

Дом на ветру

Главный режиссер Московского ТЮЗа Генриетта Яновская построила его прочно

Известия. — 2000. — 27 июня. — С. 10

На примере главного режиссера Московского театра юного зрителя Генриетты Яновской (в минувшее воскресенье МТЮЗ отметил ее юбилей) видно, какие изменения произошли с театром, театральной публикой, да, пожалуй, и жизнью вообще.

Алексей ФИЛИППОВ

Лет двадцать тому назад режиссер, по праву считающийся лидером своего театрального поколения, пользовался бы совсем иной известностью. Сейчас все по-другому: о том, кто такая Яновская, лауреат многих театральных премий, один из самых интересных сегодняшних режиссеров, знают театральные люди да узкий круг завсегдатаев МТЮЗа. А она между тем сделала очень много.

«Собачье сердце» было одним из лучших спектаклей перестроенной эпохи; «Гудбай, Америка», мюзикл, в основу которого легло известное стихотворение Маршак: «Мистер Твистер», стал реквиемом всей советской эпохе. Недавно он прошел в двухсотый раз, и МТЮЗ отпраздновал это событие. Старый спектакль по-прежнему жив и наполнен новым смыслом. Сразу после премьеры, на фоне раннеперестроенных восторгов в нем тоже ощущалась какая-то печаль, но сейчас похождения мистера Твистера отчаянно грустны. Все строится на советских песнях: раньше было жаль главного героя, ненароком угодившего в жернова бодрого, как мелодия 30-х годов, советского оптимизма, а теперь — ушедшую навсегда, глупую, жестокую и все же родную эпоху.

Потом были другие работы, была «Проза» Островского (за нее Яновская номинировалась на Госпремию), спектакль безупречно выстроенный, жесткий и неожиданный: оказалось, что страсть, сжигающая главную ге-

Генриетта Яновская

ройно, может быть темна, слепа, разрушительна, а за Кабанихой, испокон века считавшейся воплощением «темного царства», может стоять своя правда. Яновская — точный, умный, жесткий режиссер. У нее совсем не женская рука, она чужда политической конъюнктуры, но ее спектакли всегда говорят что-то и о своем времени. Когда она начинала, ее за это крепко били — многим заслуженным людям казалось, что МТЮЗ должен ставить детские спектакли, а не работать для взрослых. Эти споры остались в прошлом: Яновская стала театральной звездой первой величины, но массовой публике ее имя мало что говорит. Это не случайно — дело в том, что за последние несколько лет изменилась вся система культурных приоритетов. И театр здесь, пожалуй, наиболее показательен.

Прежний театр, который был чем-то большим, чем явление искусства, теперь невозможен — исчезла публика, которая могла бы его востребовать. Ушли те, кто наполнял залы прежней Таганки, Театра на Малой Бронной, ефремовского МХАТа, — советская интеллигенция, располагавшая и образованием, и досугом, и каким-то достатком, и граждански-

искусство устарел, а в качестве многих премьер: кассовыми хитами конца века стали постановки Житинкина, чья бойкая банальность и дурновкусие вполне устраивают тех, кто не получил хотя бы минимальной культурной школы и может истратить двести-триста рублей на театральный билет. Это воплощение нового массового театра. Спектакли Яновской в той же мере олицетворяют театр для тех, кто может оценить режиссерскую метафору, прочесть театральную цитату, расшифровать заложенную в спектакле мысль... и пользуется персональной зубной щеткой.

МТЮЗ в полном смысле это — то слова «семейный театр» — рядом со спектаклями Яновской в афише стоят работы ее мужа, замечательного режиссера Камы Пинкаса. Идея репертуарного русского театра, театра-дома, во главе которого стоит режиссер-учитель, воплощена здесь полнее, чем в какой-либо иной столичной труппе. При желании за работами ТЮЗа можно увидеть и то главное, что определяет смысл существования человека в культуре: кто-то из художников потворствует хаосу сегодняшней жизни и опрошению искусства, а театр Яновской сохраняет и развивает лучшее из того, что присуще отечественной театральной традиции. Хочется верить, что будущее за ним и за такими, как он, — за Мастерской Фоменко, наиболее значительными спектаклями «Табакерки», театром Васильева: ведь одичание преходящее, а театр, как известно, вечен.

Вадим Абдрашитов: вторая молодость зрителя

В театре Геты я снова становлюсь юным зрителем. Я перестаю следить за тем, как сделаны ее спектакли; я вижу Представление. Как в детстве, когда то, что тебе показывают, ты воспринимаешь исключительно на эмоциональном уровне. Отстраниться, вдуматься, проанализировать у меня не получается — для этого Гета слишком большой театральный мастер.